

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (ОБЗОР)

-14-

*Личность человеческая более таинственна,
чем мир. Она и есть целый мир. Человек –
микрокосм и заключает в себе все.*

Н. Бердяев

Широкий круг исследователей устремился в последнее время разрабатывать основы интегральной науки о человеке. Существует прогноз, согласно которому следующий век будет веком междисциплинарной науки о человеке (В.П. Зинченко). Лингвистика в этом плане не составляет исключения. Язык «встроен» в жизнь и деятельность человека и не может быть понят без обращения к ним (1).

Как известно, в личности сходятся интересы всех наук. Однако, если в различных человековедческих дисциплинах (истории, социологии, психологии, этнографии, философии, литературоведении, искусствоведении, и некоторых других) уже давно существует традиция оперировать термином «личность», то в лингвистику «свое» термино-

-15-

сочетание «языковая личность» активно вошло лишь в конце 80-х годов двадцатого столетия с выходом в свет монографии Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (2).

В последнее десятилетие словосочетание «языковая личность» становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом формирования нового этапа в развитии языкознания – антропоцентрической лингвистики. Обращение к теме человеческого фактора в языке ознаменовало важнейший методологический сдвиг лингвистики, смену ее базисной парадигмы, переход от «имманентной» лингвистики с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, для которой характерно «введение в фокус рассмотрения феномена жизни, в центре которой находится человек со всеми психическими «составляющими» и состояниями, формами социального существования и культурной деятельности» (3).

В последнее время интерес к проблеме языковой личности еще более возрос в связи с активизацией исследований, посвященных изучению личности говорящего индивида в русле таких языковедческих дисциплин, как традиционная лингвистика, лингвопрагматика, лингводидактика, психолингвистика, социолингвистика и исследования художественного творчества. В диахроническом плане идея homo loquens для лингвистики не являлась абсолютно новой. Осмысление «человека говорящего» (В. Фон Гумбольдт) предпринималось не одним поколением исследователей и было многомерным и разноаспектным: «от романтически возвышенных эссе и философских рассуждений о языковом выражении «духа народа» и «инстинкта разума» (В. Фон Гумбольдт), этнопсихологии народа (В. Вундт), о «языковых представлениях», «чутье языка» народом (И.А. Бодуэн де Куртенэ), до логически стерильных построений в стремлении проникнуть в глубины «лингвистического инстинкта» (Л.В. Щерба), «языковой компетентности» (Э.М. Эленбек), «языковой способности» (А.М. Шахнарович) и, наконец, «языковой личности» (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов) (4).

К языковой личности как объекту изучения русистика шла разными путями:

лингводидактическим (самым древним) – от закономерностей научения языку – см. работы Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского, К.Д. Ушинского, В.А. Сухомлинского и др.; **литературоведческим** – от изучения особенностей языка художественной литературы («образ автора», «лицо автора») – см. труды В.В. Виноградова, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, Д.С. Лихачева, Г.О. Винокура, Ю.М. Лотмана, В.П. Григорьева и множество работ, в которых осуществляется попытка «проникнуть в творческую лабораторию писателя»; **психолингвистическим** – от психологии языка и речи – см. работы Б. де Куртенэ, АА. Потебни, Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Д. Кацнельсона и других

-16-

исследователей, в которых затрагиваются вопросы устройства внутренней речи, взаимоотношения языка и мышления, особенности восприятия, понимания и воздействия речи.

В последнее десятилетие лингвистика медленно, но верно повернулась «лицом к жизни». Большинство исследователей устремились к функциональному изучению языковой личности, языку как «инструменту социального взаимодействия». Главная цель естественного языка – общение между людьми. Это общение протекает в различных обстоятельствах, обусловленных физическими, социально-культурными и языковыми факторами. Прагматика в широком понимании мыслится как система правил общения, включающих языковое общение. В изучении прагматики выделяется ряд направлений: разговорное (речеактовое), функциональное (риторико-стилистическое) и психолингвистическое (порождение и восприятие речи) (5).

Коммуникативно-деятельностный ракурс изучения языковой личности доминирует в работах исследователей последних лет. Проблематика, связанная с изучением коммуникативной личности, опирается на солидную лингвистическую традицию (А.А. Потебня, В. Вундт, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Э. Сепир, Дж.Р. Ферс, Б. Уорф, Дж. Остин, П. Грайс, Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, В.Г. Гак, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Карасик).

Применительно к языковой личности, как лингвистическому концепту, следует выделять различные планы: ценностный, познавательный и поведенческий (6). Коммуникативная личность – при таком рассмотрении – выступает как «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (В.И. Карасик), а организация языковой личности включает весь спектр лингвистических и экстралингвистических факторов, отражающих картину мира.

В настоящее время наиболее актуальным представляется не исследование в области создания абстрактных моделей носителя языка, а комплексные практические исследования в области изучения языковой личности реального носителя языка. В последние годы увеличивается количество работ, в которых содержатся попытки описать особенности языковой личности различных типологических групп (социально-коммуникативных и профессионально-коммуникативных): языковая личность учителя, учителя-русиста, языковая личность телевизионного ведущего, языковая личность переводчика и комментатора (7), этот перечисленный ряд в будущем может быть продолжен исследованиями типа языковая личность врача, юриста, артиста и т. п.

Особое место занимают исследования, посвященные становлению и развитию языковой личности – ребенка, школьника, студента-филолога и т. п. (8).

Под языковой личностью все чаще понимается совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальности.

Современная лингвистика в аспекте изучения языковой личности все активнее оперирует понятиями «стиль жизни», «стиль поведения», «языковой вкус», «языковое чутье», «языковая компетентность», «языковая способность». Одной из наиболее существенных характеристик языковой личности следует признать принадлежность человека к той или иной языковой (национальной) и речевой (внутринациональной) культуре (9). Внутри национальных речевых культур в сфере действия литературного языка исследователи (О.Б. Сиротинина, В.Е. Гольдин) выделяют различные типы речевых культур: 1) элитарная речевая культура, 2) сред нелитературная, 3) литературно-разговорная, 4) фамиллярно-разговорная, 5) просторечная, 6) народно-речевая, 7) профессионально-ограниченная (10). Каждый тип речевой культуры заслуживает детального научного рассмотрения. Выявление критериев для отнесения речевого произведения к тому или иному типу речевой культуры, установление принадлежности той или иной конкретной языковой личности к определенному типу речевой культуры современной русистике предстоит еще сделать.

Эффективность речевого общения определяется уровнем владения языком. Разговор о языковой личности невозможен без учета основ теории культуры речи, а культура речи находится в тесной зависимости от ситуации общения, от целей и задач коммуникации.

Эталоном подлинной речевой культуры является элитарная речевая культура, которую, к сожалению, можно считать «почти не сохранившейся», но, к счастью, все же «редко встречаемой» в естественных ситуациях общения. Именно она, еще «имея возможность возродиться», продолжает оставаться «образцом истинно русской речевой культуры» (11). Следовательно, проблема «Языковая личность носителя элитарной речевой культуры» не может оставаться без внимания исследователей (12), поскольку имеет колоссальное теоретическое и практическое значение, является областью средоточения различных человековедческих наук – философии, социологии, психологии, языкознания, областью взаимодействия различных лингвистических дисциплин – функциональной стилистики, прагматики, когнитивной лингвистики, лингводидактики, лингвистики текста, теоретических направлений лингвистики – теории культуры речи, теории речевых актов, теории речевых действий, теории динамического взаимодействия.

На практике эта проблема затрагивает огромный круг вопросов, связанных: **с изучением общения** (определение полного объема требований к речевому поведению истинно культурного человека, разработка критериев культуры профессионального общения, культуры публичного воздействия, культуре межличностных отношений и т. д.); **с проблемами обучения** (подбор всевозможных дидактических материалов, внедрение различных методик обучения культуре речевого поведения на разных этапах жизни человека в зависимости от возраста, образования, профессии, социальных групп и социальных ролей);

с проблемами риторики (знание всех современных норм литературного языка и законов их эффективного использования, установление пределов предпочтительного, допустимого и нежелательного, недопустимого в устной и письменной формах речи, демонстрация индивидуальных, вкусовых, творческих возможностей личности в различных текстовых реализациях и др.).

Вопрос о влиянии общества и выдающихся его представителей на язык в русистике поднимался неоднократно. Носителей образцовой речи в различных трудах называли «метрами речи», «демиургами языка», «экологами языка», «арбитрами языка» и т. п. Речь носителей элитарной речевой культуры находилась в поле зрения специалистов, когда рассматривались вопросы, связанные либо с правильностью речи, либо с речевым

мастерством, и только много позже – с наивысшей способностью к речевой деятельности. По мысли Г.О. Винокура, «понятие культуры речи можно толковать в двояком смысле, в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду одну только **правильную** речь или же также речь умелую, **искусную**» (13). Культура речевого общения предполагает, таким образом, не только правильное, но и уместное (оптимальное) использование языковых средств в определенной речевой ситуации. Культура речи в современном понимании – «это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» (14), и включают в нее не только вербальную составляющую.

Поиски критериев правильности речи имеют давнюю традицию научного освещения. В этой связи достаточно вспомнить многочисленные работы, посвященные проблеме языковой нормы (В.В. Виноградов, А.И. Горшков, Е.С. Историна, Ю.С. Степанов, В.И. Кодухов, Б.Н. Головин, В.А. Ицкович, Д.Э. Розенталь, К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, Л.И. Скворцов, Ю.С. Сорокин, Б.С. Шварцкопф, Д.С. Шмелев и др.).

«Авторитет источника» как признак нормы наряду с другими ее признаками (устойчивость, распространенность, целесообразность) принимается большинством современных исследователей (15). Важно заметить, что «язык писателей» специалистами-нормализаторами выделялся как единственный авторитетный источник. В настоящее время круг социально-авторитетных источников языковой нормы значительно расширился. Сравните: «Признание нормативности (правильности) языкового факта опирается обычно на непереносимое наличие трех основных признаков: 1) регулярную употребляемость (воспроизводимость) данного способа выражения; 2) соответствие этого способа выражения возможностям системы литературного языка (с учетом ее исторической перестройки); 3) общественное одобрение регулярно воспроизводимого способа выражения (причем **роль судьбы в этом случае обычно выпадает на долю писателей, ученых, образо-**

-19-

ванной части общества (выделено нами – Т.К.))» (16). Этому способствовали многие специальные преобразования, отразившиеся в общей тенденции демократизации русского литературного языка (растущее значение нехудожественных форм письменного языка: научно-технической, официально-деловой, публицистической речи, – соотношение и взаимообусловленность норм письменной и устной (разговорной) речи и др.).

Культурная речь интересовала исследователей не только в плане литературно-языковых нормативов (критерий языковой правильности), но и в плане стилистического преломления (критерий языкового мастерства). К проблеме эталонной языковой личности исследователи подходили постепенно через «образ автора», «образ ратора», «образ оратора», чуть позже через «образ лектора», «образ трибуна», «образ агитатора и пропагандиста», «образ парламентария».

Первоначально языковая личность анализировалась в работах по художественной речи (образ говорящего и пишущего лица) исключительно на материале письменных текстов. Однако исследователей со временем начинает привлекать и звучащая речь, осуществляемая в естественных ситуациях общения и оказывающая максимальное воздействие на адресата. Ученые постепенно приходят к пониманию, что письменная форма речи, осуществленная в расчете на адресата-читателя, принципиально отличается от устной формы речи, предназначенной для адресата-слушателя, каждая из форм речи «работает» исключительно по «своим» законам (17).

Ораторская речь как искусство в русистике подверглась изучению в различных аспектах:

в **историческом** (античная риторика и ее теории, красноречие Древней Руси XI–XVII вв., русские риторика XVII–XIX вв., красноречие XX столетия), в **теоретическом** (роды и виды красноречия, ораторская речь как процесс от замысла к воплощению, как искусство общения с аудиторией, как искусство воздействия на аудиторию, как форма воплощения (стиль и композиция), а также ораторская речь и книжно-письменные стили, ораторская речь и функционально-смысловые типы речи); в **практическом** (ораторская речь как руководство к изучению русской словесности, как свод риторических правил и приемов, как система риторических упражнений).

Тема «Оратор и аудитория», традиционная в рамках риторико-стилистических исследований, вплотную подвела ученых к анализу творческих способностей личности, к ее языковому мастерству. Образ оратора раскрывался через множество составляющих: психологические аспекты воздействия, эмоциональность и оценочность, речевой этикет, языковые средства контакта, ассоциативная образность, стилистические богатства языка и т. п.

Справедливости ради надо отметить, что в практике русской риторики наблюдались «черные периоды» и «периоды застоя». После 1917 года забвению был предан весь опыт дореволюционной риторики, в 70–80-е в публичном общении наблюдалось уродливое

-20-

засилье письменных форм, когда любая информация просто «читалась с листа», в содержательном плане тексты публичных выступлений насквозь были политизированы и «забиты» канцеляритом. Чтение научно-популярных лекций превращалось в «массовые мероприятия», носило откровенно агитационно-пропагандистский характер...

«Живое слово» в так называемый советский период пробивало дорогу с большим трудом: изредка появлялись публикации речей и выступлений, явившихся «золотым фондом» отечественной истории (речи политических деятелей, ученых, адвокатов, политруков), сохранялось непосредственное общение специалистов с обучаемой аудиторией (лектор – студент, учитель – ученик), по радио и телевидению на широкую массовую аудиторию время от времени транслировались публичные выступления мастеров устного рассказа (И. Андронников, К. Чуковский) и др.

Только в 90-е годы с «периодом гласности» начинается осязаемое возрождение традиций отечественного красноречия: переиздаются дореволюционные «Риторика», создаются научные труды и современные пособия по риторике (18), как предмет обучения риторика вводится в курсы подготовки в лицеях, гимназиях, колледжах, семинариях, университетах, академиях. Активно публикуются «речевые образцы» – выступления мастеров русского красноречия (19) – без учета их политической ориентации. Появляются книги, в которых содержатся описания публичных выступления очевидцами. Читателю становится известно не только содержание речей, но и то, какое воздействие они оказали на слушателей в момент произнесения («фоновые знания о личности») (20). В последнее время начинают появляться также интересные публикации, составленные на основе «живых воспоминаний» современников о той или иной конкретной незаурядной личности (21). Реальной стала возможность знакомства с переводной литературой по проблемам речевого мастерства (22), а также с отечественной литературой, освещающей опыт изучения ораторского искусства за рубежом (23).

В языковом поведении человека, в его речевых поступках, то есть в широком смысле во всех естественных текстах, порождаемых языковой личностью, опредмечивается «духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно

избираемых путях их достижения» (24).

Слово «оратор» в современном понимании – это «красноречивый человек, умеющий говорить публично, владеющий устным словом», то есть высокой речевой культурой (во-первых, нормами литературного языка, во-вторых, речевым мастерством). Ораторская речь как нельзя лучше передает личность выступающего, его индивидуальность, его духовность, его тесную связь с общественной жизнью. Важно еще раз подчеркнуть, что «красной речью» наделен далеко не каждый носитель языка (достаточно вспомнить в этой связи народные

-21-

изречения – «каков человек – таковы и его речи», «красноречие – голос внутреннего совершенства»).

Следует заметить, что понятие «элитарный тип речевой культуры» («высшее красноречие») разрабатывалось в теории отечественной риторики и ранее (25), но «языковая личность носителя элитарной речевой культуры», естественно, – понятие более широкое, чем «оратор», «мастер слова». Носитель элитарной речевой культуры в совершенстве владеет нижней и высшей ступенью освоения литературного языка (ему подчинены правильность и культура речи в собственном смысле) (26), он имеет большую и разнообразную практику речевого общения, в том числе обязательно публичного, любой коммуникативный акт осуществляется им с учетом стилистического соответствия и коммуникативной целесообразности (27). «Ощущение говорящим (и пишущим) понимание им целесообразности того или иного слова, той или иной интонации, той или иной синтаксической конструкции и их сложного сцепления в пределах целостных отрезков текста – вот та мощная сила, которая выковывает образцовую речь и позволяет говорить о высшей степени речевой культуры» (28).

Если «норма» задана самой системой и структурой функционирующего языка (у носителя элитарной речевой культуры знание норм (ортологических, этических) доведено до автоматизма), то «целесообразность» не задана самой структурой языка, она «задается» сознанием говорящих (пишущих), субъективно понимающих и оценивающих объективную необходимость каждого (помимо правильности) из коммуникативных качеств хорошей речи (логичность, ясность, доступность, (доходчивость), чистота, выразительность, эстетичность, уместность). Носитель элитарной культуры речи не только владеет высокой культурой речи, но и во всех подробностях представляет себе общую картину проблематики культурного пользования языком.

Актуальный центр проблематики речи такой личности содержится в области функционально-коммуникативной оптимальности.

Таким образом, можно считать, что языковая личность носителя элитарной речевой культуры:

- 1) обладает углубленным системным представлением о литературно-языковой норме применительно к современному русскому языку;
- 2) владеет расширенным и углубленным представлением о речевой системности и о нормативности на речестилистическом уровне;
- 3) осознает основополагающие принципы пользования языком, принятые в современном обществе, четко знает причины и рамки возможных отступлений от них в повседневной речевой практике;
- 4) хорошо знает критерии речевого восприятия в практически актуальных для нее сферах и подсферах;
- 5) хорошо знает критерии культуры речевого продуцирования в практически актуальных для нее сферах и подсферах;

- 6) знает закономерности многостадийного создания содержательных и/или структурно-сложных произведений;
- 7) знает закономерности общения в сложных комплексных ситуациях и культурно-речевые критерии в этой области;
- 8) знает ролевые стратегии и тактики в сложных ситуациях общения с точки зрения функциональной культуры речи;
- 9) умело соблюдает статусные нормы общения, принятые в языковой культуре самой говорящей личности и ее коллектива.

Следовательно, носителю элитарной речевой культуры свойственно: высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разностилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи и безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных целей; соблюдение существующих этических норм, всемерное уважение к адресату.

Важно подчеркнуть, что языковая личность носителя элитарной речевой культуры обладает самым широким спектром социальных ролей («многорольностью») и в любой коммуникативной ситуации демонстрирует искусство пользования языком, всем богатством его возможностей при строгой уместности этого пользования.

Языковая личность не абстрактное понятие. Индивидуально-речевая неповторимость (узнаваемость) речи конкретного носителя элитарной речевой культуры проступает достаточно ярко, поскольку это человек, живущий в определенной среде, занимающий определенное положение в обществе, который входит в различные коммуникативные контакты с другими членами языкового коллектива. Анализ языковой личности конкретного носителя элитарного типа речевой культуры – это всегда открытие не только на уровне личностном, индивидуальном, творческом, но и разработка обобщенного теоретического образца эффективной языковой личности. О значительности отдельной языковой личности принято судить на основе триединства: 1) насколько широко и полно представлена в ней исторически сложившаяся картина мира; 2) насколько ощутимо сконцентрирован в ней речеповеденческий эталон и 3) культуриносная энергия народа.

Литература:

1. Будагов Р.А. Человек и его язык. М, 1976. В зарубежной лингвистике работы М. Бирвиша, Э. Новака, Э. Косериу, К. Ажежа и др.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Арутюнова Н.Д. От редактора // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М, 1989. С. 3–4. См. также серию книг: Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988; Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М, 1991; Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991; Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М, 1992.
4. Алефиренко Н.Ф. «Языковая личность» как лингводидактическая проблема // Проблема формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград, 1993. С. 3.

5. Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сборник обзоров. М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1986.
6. Карасик В.И. Коммуникативная личность как лингвистический концепт // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград, 1993. С. 12–13.
7. Черепанов В.И. Языковая личность учителя и технология педагогического общения; Беспамятова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994; Беспамятова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Автореферат диссер. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994; Мельников В.С. Языковая личность переводчика и комментатора // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград, 1993.
8. Барабина М.Н. Отражение общезыковых и социальных факторов в речи ребенка дошкольного возраста // Там же; Чеботарева И.М. Формирование языковой личности ребенка в процессе одухотворения окружающего мира, Седов К.Ф. Становление языковой личности в онтогенезе, Пелих В.М. К вопросу о формировании языковой личности школьника, Маслова В.А. Роль эмотивной лексики в формировании языковой личности студента-филолога // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994.
9. Сиротинина О.Б. Оформление статусно-ролевых отношений как один из признаков языковой личности // Там же.
10. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 10.
11. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.
12. Кондратьева-Фишер И.С. Особенности устных выступлений носителей элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 151–160.
13. Винокур Г.О. Из бесед о культуре речи // Русская речь. 1967. № 3. С. 10.
14. Культура парламентской речи. М., 1994. С. 9. А также Ширяев Е.Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.
15. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971; Он же. Вариативность слова и языковая норма. Л., 1978 и др.
16. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989. С. 32.
17. Андронников И.Л. Слово написанное и сказанное // Я хочу рассказать вам... М., 1971; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
18. Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990; Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. М., 1990; Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989; Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи. М., 1992; Его же. Риторика. М., 1994; Михайличенко Н.А.

- Риторика. М., 1994; Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика. М, 1991; Стешов А.В. Как победить в споре: О культуре полемики. Л., 1991; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. М., 1993; Культура парламентской речи. М., 1994 и др.
19. Мастера красноречия: Сборник. М, 1991; Михневич А.Е. Ораторское искусство лектора. Хрестоматия. М., 1986; Чихачев В.П. Лекторское красноречие русских ученых XIX века. М., 1987.
  20. Очерки об ученых-лекторах. М., 1981.
  21. Еще волнуются живые голоса... Воспоминания о С.Ю. Адливанкине. Пермь, 1994.
  22. Карнеги Дейл. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М, 1989; Мицич Предраг. Как проводить деловые беседы. М., 1987; Сопер Пол. Основы искусства речи. М., 1992; Эрнст Отто. Слово предоставлено Вам... М., 1988.
  23. Радченко В.Н. Изучение ораторского искусства в США. М., 1991; Сычев О.А. Обучение риторике в эпоху компьютеров: введение в опыт США. М., 1991.
  24. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
  25. Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. СПб., 1844; Оратор или О трех главных совершенствах красноречия, о ясности, о важности и приятности. М., 1816; Светозарская К. Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий. СПб., 1880 и др.
  26. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
  27. О «целесообразности» см. работы Б.Н. Головина, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева.
  28. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980. С. 19.